

плонскому, чрезъ который непременно обнаружатся его мерзкіе поступки».

Но Транскій не думалъ уже о Симплонскомъ. Полицейскій чинъ недоумѣвалъ надъ новымъ фактомъ: черезъ нѣсколько дней, отъ Абелляра было отправлено новое страховое письмо въ Москву. Податель его росписался, и подпись эта еще больше убѣдила Транскаго въ томъ, что отправитель доноса и писемъ въ Кіевъ и Москву одно и то же лицо. Сдѣлана была перлюстрація письма въ Москву. Оно заключало въ себѣ требованіе Абелляра прислать къ нему нѣкоторыя лѣкарства, и больше ничего. Тѣмъ не менѣе, въ докладѣ своемъ курскому губернатору Транскій объяснилъ, что собралъ точныя полицейскія свѣдѣнія о докторѣ Абеллярѣ. Онъ учился въ дерптскомъ университетѣ, не кончилъ тамъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, курса; затѣмъ перешелъ въ Харьковскій университетъ... Въ Обояни онъ состоитъ постояннымъ врачомъ у одной богатой помѣщицы Иглиной, которая полагается только на его искусство съ давняго времени.

Губернаторъ предписалъ: имѣть секретное наблюденіе за Абелляромъ.

Прошло нѣсколько времени. Обоянская полиція прекратила розыски. Ни противъ Симплонскаго, ни противъ Абелляра не было и не возникало никакихъ уликъ... Да и въ самомъ дѣлѣ: предположить виновникомъ доноса на Византинову того или другого врача могло только возбужденное воображеніе. А при хладнокровномъ обсужденіи дѣла становилось яснымъ, что первый, особенно же второй, не позволили бы себѣ написать страшную клевету. Не розыскавъ таинственнаго доносчика, Транскій, видя, что все начало успокоиваться, собрался уже ѣхать обратно въ Курскъ...

Какъ вдругъ новое событіе!..

Въ одинъ прекрасный зимній день, на главныхъ улицахъ Обояни было расклеено объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Дѣвица Византинова симъ объявить честь имѣетъ, что въ домѣ ея, Обоянскаго уѣзда, въ деревнѣ Абриколевой, открытъ превосходный публичный домъ. Первый призъ: Мѣджина, второй—гувернерка Герръ... и еще пріѣдетъ къ нимъ Гостиная, потерявшая свою практику въ Одессѣ. Всѣ за очень сходную цѣну. Прошу читателей объявить о семъ всѣмъ и каждому».

Экземпляры пасквиля были сорваны съ городскихъ зданій и представлены обоянскому городничему. Тотъ бросился съ ними къ Транскому. Послѣдній сличилъ почеркъ доноса и пасквиля и ахнулъ: почеркъ буквально былъ одинъ и тотъ же... Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что сочинитель пасквиля и доносчикъ одно и то же лицо. Сначала онъ пустилъ въ ходъ обвиненіе семейства Византиновыхъ въ политической неблагонадежности, а затѣмъ—въ нравственной... Кто же этотъ тайный врагъ?..